

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Предупреждение о триггерах	6
Плейлист	8
Глава I. <i>Иден</i>	9
Глава II. <i>Роман</i>	26
Глава III. <i>Иден</i>	31
Глава IV. <i>Иден</i>	39
Глава V. <i>Роман</i>	51
Глава VI. <i>Иден</i>	62
Глава VII. <i>Роман</i>	73
Глава VIII. <i>Иден</i>	82
Глава IX. <i>Иден</i>	93
Глава X. <i>Роман</i>	102
Глава XI. <i>Иден</i>	112
Глава XII. <i>Иден</i>	119
Глава XIII. <i>Роман</i>	133
Глава XIV. <i>Иден</i>	144
Глава XV. <i>Иден</i>	154
Глава XVI. <i>Иден</i>	163
Глава XVII. <i>Роман</i>	173
Глава XVIII. <i>Иден</i>	184

Глава XIX. <i>Иден</i>	199
Глава XX. <i>Роман</i>	213
Глава XXI. <i>Иден</i>	226
Глава XXII. <i>Иден</i>	245
Глава XXIII. <i>Иден</i>	258
Глава XXIV. <i>Иден</i>	271
Глава XXV. <i>Иден</i>	282
Глава XXVI. <i>Роман</i>	295
Глава XXVII. <i>Иден</i>	304
<i>Роман</i>	307
Глава XXVIII. <i>Иден</i>	313
Глава XXIX. <i>Иден</i>	320
Глава XXX. <i>Роман</i>	328
<i>Иден</i>	331
Глава XXXI. <i>Дэвид</i>	336
Глава XXXII. <i>Иден</i>	338
Глава XXXIII. <i>Иден</i>	346
Глава XXXIV. <i>Роман</i>	353
Глава XXXV. <i>Иден</i>	361
Глава XXXVI. <i>Роман</i>	368
Глава XXXVII. <i>Иден</i>	377
Глава XXXVIII. <i>Иден</i>	386
Глава XXXIX. <i>Роман</i>	389
Глава XL. <i>Роман</i>	392
Глава XLI. <i>Иден</i>	401
<i>Роман</i>	406
Глава XLII. <i>Иден</i>	408
Благодарности	412
Об авторе	413

ОТ АВТОРА

Этот роман ни в коем случае не отражает моего мнения о католицизме, христианстве и религии вообще. Он всего лишь выдумка, которую не следует воспринимать буквально. Если вы тяжело воспринимаете истории, в которых религия изображается негативно, пожалуйста, не читайте дальше. Внимательно прочитайте список предупреждений, прежде чем погружаться в историю.

А теперь — наслаждайтесь чтением.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ТРИГГЕРАХ

Селфхарм

Абьюз

Сталкинг и домогательства

Подробные описания
насилия и смерти

Взаимодействие
доминант/субмиссив

Секс без согласия

Сексуализированные
действия без согласия

Бладплей

Связывание

*Всем тем, кто часто ловил себя
на мечтах во время воскресной
мессы...*

ПЛЕЙЛИСТ

- Trouble (Stripped) — *Halsey*
God Must Hate Me — *Catie Turner*
Arsonist's Lullabye — *Hozier*
The Fruits — *Paris Paloma*
Do It For Me — *Rosenfeld*
Unholy — *Sam Smith & Kim Petras*
You're Somebody Else — *Flora Cash*
Daylight — *David Kushner*
In Your Arms — *SOMBR*
Love Is A Bitch — *Two Feet*
Hotel — *Montell Fish*
Black Out Days — *Phantogram*
Older — *Isabel LaRosa*
Universe — *David Kushner*

ИДЕН

Воскресенье.

День, посвященный Богу.

— Это день, когда мы выражаем благодарность за семью и веру, — голос моей матери эхом отдается в коридоре, — будем же благодарны за то, что мы можем собраться вместе и пойти в церковь. Не всем это дано.

Кого она пытается убедить, нас или себя, в том, что мы благополучны, — трудно сказать.

Один день в неделю эта семья ведет себя так, будто отец не изменяет маме, я не пропащая, а Эйден не укурок.

Как жаль, что моя ничтожная задница должна была вернуться из университета домой на неопределенное время и все испортить.

На первый взгляд наша семья — будто с картинки. Сын, который получит полную стипендию за свои достижения в футбольной команде старшей школы. Муж, владеющий одной из самых успешных юридических фирм в этом крошечном никчемном городке. Жена, которая всегда первой рвется участвовать во всех местных общественных событиях.

Если не приглядываться, наша жизнь — пример любящей, стабильной и полной семьи. У нас есть все, да-

же проклятый дом с белой оградой посреди какого-то там пригорода.

Но на фасаде есть трещины. Я вижу их, когда смотрю на свою мать. Не знаю, как, топя печали на дне бутылки вина каждую субботнюю ночь и смотря повторы «Офиса», она хочет исправить жизнь с безразличным мужчиной, который украл ее молодость. Полагаю, и я бы смогла утопить свою боль в пятничных мартини с подружками на заднем дворе, делая вид, что у их мужей не встает, когда они в баре обжимаются с девчонкой, которую все еще можно перепутать с подростком.

Все они счастливы в своем отрицании и каждый день перед завтраком отмаливают грехи перед Десятью заповедями в рамке.

Почитай отца твоего и мать твою.

Не прелюбодействуй.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Поганые лжецы.

Но один день в неделю мы можем вести себя так, будто все в порядке. Можем притворяться, что показываемся в храме как образцовые верующие, а не как те, кто тщетно пытается убедить людей вокруг, что все нормально.

— Мама сказала, у тебя пять минут, — вздыхает Эйден, оглядев коробки, беспорядочно разбросанные в углу моей комнаты. Я так и не распаковала их с тех пор, как побросала все в машину и сбежала из общезжития домой.

— Я умею водить, — бормочу я, возясь с настройками камеры. Чем дольше Эйден смотрит на меня, тем неуютнее мне становится.

Каштановые волосы Эйдена намеренно растрепаны. У его свежевыглаженной сорочки и брюк слегка небрежный вид: галстук ослаблен, рубашка выправлена, пиджак изящно наброшен на плечи. Такой образ типичного парня-католика — угроза целомудрию любой девушки, и я уверена, что он этим пользуется.

— Ну и зашибись. Мама хочет быть уверена, что ты действительно будешь там, — он зевает, сбрасывая одну из легких коробок с ближайшей груди.

Средства для уборки и всякие мелочи высыпаются из нее и катятся под мою кое-как заправленную кровать. Я поднимаю голову, чтобы увидеть, как ухмыляется этот говнюк:

— Упс.

Швырнув камеру на стол, я хватаю с кровати ключи от машины, уже готовая так пнуть брата под зад, чтобы он придурковато ходил все Причастие.

— Вали отсюда, или помоги мне Господь... — начинаю я, собираясь впечатать его довольную физиономию прямо в дверной проем.

— Следи за языком, Иден! — кричит мама, ругая меня так, будто бы я не слышу от нее вещи похуже каждый раз, когда она наряжается для моего отца, чтобы получить хоть немного его внимания.

— Мы уезжаем! — продолжает она, гневно захлопывая дверь.

— Ты что, серьезно собираешься в этом пойти? — спрашивает Эйден, а я слежу за его взглядом: огромный темно-синий свитер и поношенные черные тревики.

— Я полтора часа буду сидеть, преклонять колени и держаться за руки с хреновой кучей незнакомых лю-

дей, а ты хочешь, чтобы я нарядилась как на сраную свадьбу? — спрашиваю я, отталкивая Эйдена с дороги. — Иди ты.

— Свадьбу? — смеется он. — Я и забыл, что ты веришь в невозможное. Будто ты выйдешь замуж, станешь фотографом, продержишься год в универе...

Чтобы отвлечься от брата с его жадной унижить меня любым способом, я затыкаю уши, позволяя звону ключей завладеть моим вниманием. Глубоко укоренившееся внутри желание отразить волну чувств, нахлынувшую на меня, грозитя завладеть мной, пока я выхожу из комнаты. Я сдерживаю мысль взять обернутое тканью лезвие, которое храню в комнате, а в воображении уже мелькают картинки самой себя, проводящей острой стороной по коже, пока боль не утонет в красном мареве. Еще раз посмотрев в ближайшее к двери зеркало, я убеждаюсь, что все мое тело закрыто, показываю брату средний палец и молюсь, чтобы Бог наконец услышал меня и перевернул машину раньше, чем я доберусь до церковной парковки.

Пусть я и содрогаюсь от ужаса при мысли о незнакомых людях, жаждущих узнать, почему я вернулась домой, храм, как и всегда, приводит меня в восторг.

В его огромном пространстве, под мягким светом, проходящем сквозь витражные окна, поблескивает сосуд со святой водой. Вода, наверняка уже оскверненная грязными руками грешников, лениво ползущих на места, стоит в центре нефа, ее поверхность отражает искусно сделанные мозаики и арки наверху. Края сосуда украшены изящной резьбой, похожей на ту, что на колоннах, обрамляющих зал.

Перед Престолом стоят кресла для священника и дьякона. Маленькие сиденья и подушечки для ко-

лено преклонения, предназначенные для алтарников, расположены в задней части возвышения для чтения Священного Писания.

Хор сидит у дальней стены, скрытый и не привлекающий внимания прихожан. Слева от главного зала — отдельная комнатка для исповеди, сейчас она не занята. Ее дверь будет отперта за тридцать минут до мессы, чтобы люди сняли тяжесть грехов со своих душ. В отличие от многих католических церквей, Сент-Майкл выбрала более личный подход к исповеди, при котором стул священника стоит напротив стула кающегося, из-за чего приходится смотреть в глаза, пока признаешься в грехах.

С годами исповедь стала больше похожа на игру, чем на искреннее покаяние. Стало проще лгать отцу Кевину о своих грехах. Он старый и немощный, его лучшие годы давно прошли. Иногда я задаюсь вопросом: не ждет ли он момента, когда услышит о моих безумных грехах и узнает, как в этот раз меня искушал Сатана.

На прошлой неделе я сказала ему, что впервые попробовала травку, — смехотворно, если учитывать, что в тот единственный раз, когда я ее покурила, меня так рвало, что я поклялась больше никогда не прикасаться к подобному.

А за неделю до этого я рассказала ему, что участвовала в оргии, и намекнула, что лучше бы мне не пить кровь Христа из общей чаши.

Каждый раз я жду этих игр со стариком, чтобы отвлечься от настоящих демонов в моей душе.

Моя мама думает, что однажды исповедь придаст мне смелости и я расскажу ей, почему вернулась домой.

Моему отцу наплевать, что я отчислилась. Меньше придется тратить на дочь-неудачницу. Он сказал мне

едва ли двадцать слов с тех пор, как я перебралась в этот маленький городишко среди лесов.

Позор.

Я вижу, как Эйден разговаривает с несколькими друзьями из футбольной команды. Он всегда был популярен, но я сомневаюсь, что кто-либо знает его настоящего.

Отпив из стаканчика приветственного лимонада, я скрываюсь от стаи разодетых прихожан на одном из диванчиков в притворе, где мы собираемся перед мессой.

Листая соцсети, я нервно просматриваю посты друзей из университета, а потом закрываю их его совсем, увидев *его* лицо на одной из общих фотографий с весенних каникул.

Допив остаток, я бросаю стаканчик в ближайшую мусорку и хмурюсь, когда он падает рядом.

— Размахнулась, да промахнулась, — звучит знакомый голос. Зои садится рядом со мной, широко улыбаясь.

Темные кудрявые волосы, золотые, как мед, глаза и смуглая оливковая кожа... Зои Ли — это само совершенство. В отличие от меня с моими непослушными каштановыми волосами, мутными ореховыми глазами и покрытой веснушками бледной кожей, она всегда полна жизни, согрета солнцем, а ее зубы белы как снег. Я смотрю на Зои, сегодня она в милом платье в цветочек, которое подчеркивает ее привлекательное тело и шикарную грудь.

Если бы она не была подругой детства, ненавидящей религию так же, как и я, вряд ли у нас было бы что-то общее.

— Сколько женщин сплетничало о моей маме сегодня? — спрашиваю я, наклоняясь к ней.